

УДК 800/801

ЯЗЫК КАК МОДЕЛИРУЮЩАЯ СИСТЕМА*Л.М. Салмина***Аннотация**

Статья посвящена рассмотрению одной из центральных проблем когнитивной лингвистики – моделирующей функции языкового значения в процессе познания. Языковое значение является базовым элементом сознания человека, поскольку именно знаки естественного языка представляют интерпретацию действительности в лексике и грамматике. Признание языковой семантики основной концептуальной структурой может открыть новые возможности для интерпретации механизма моделирования знаний.

Ключевые слова: когнитивно-логическая модель действительности, языковая интерпретация, языковая дифференциация, языковая интеграция, языковая дезинтеграция.

Говоря о языке как об универсальной и вместе с тем уникальной моделирующей системе, мы считаем принципиально необходимым ввести разграничение между моделированием *в* языке и моделированием *средствами* языка.

Так, например, Э. Бенвенист различает семиотическое и семантическое означивание: «Семиотическое (знак) должно быть *узнано*, семантическое (речь) должно быть *понято*. Различие между пониманием и узнаванием связано с двумя отдельными свойствами разума: способностью воспринимать тождество предыдущего и настоящего, с одной стороны, и способностью воспринимать значение какого-либо нового высказывания, с другой» [1, с. 87–88].

Представляется очевидным, что универсальные моделирующие возможности языка обусловлены тем принципиально важным обстоятельством, что он, в свою очередь, представляет собой модель внеязыковой действительности, то есть коммуникативная функция языка мотивируется и – более того – обеспечивается его кумулятивной функцией.

Специфичность ситуации, сложившейся в современной лингвистике, заключается, на наш взгляд, в том, что повышенный интерес к функционированию языка в качестве средства общения обусловил непроизвольное слияние обеих функций в одной, и, по выражению Э. Бенвениста, «мы видим, что лингвист занимается, по существу, только речью, которую он молчаливо приравнивает к языку» [1, с. 40].

По утверждению А.Ф. Лосева, «математическая формула или теорема только потому и точны, только потому и непререкаемы, что они есть отражение таких же точных и непререкаемых основ самой действительности» [2, с. 183]. Такие же непререкаемые основы действительности – сведения о структуре мира и ее устройстве – несет в себе и язык.

Следует отметить, что ближе всего к решению этой проблемы оказалась в конечном итоге не лингвистика, а так называемая нетрадиционная логика, которая вслед за Г. Фреге, Б. Расселом и Л. Витгенштейном обратилась к языковому значению. Речь в первую очередь идет об интенциональной семантике, изучающей языковое значение с позиций когнитивных способностей человека и его концептуально-структурирующей деятельности.

Такой подход к изучению языка как знаковой системы представляется единственно плодотворным и перспективным, и предлагаемая нами концепция учитывает то, что было сделано в этом направлении в разное время, разными науками и на разном материале.

Итак, когнитивная логика, не отраженная, а выраженная в языке, весьма четко прослеживается в когнитивно-логической модели действительности, которая существует в сознании носителя языка как свернутое в знаках декларативное знание об устройстве мира и процедурное знание когнитивно-логических принципов его моделирования.

Предпосылкой формирования когнитивно-логической модели в филогенезе послужили расчленение первичных недискретных знаков-сообщений и спецификация функциональных ролей предмета сообщения – *носителя признака* и информации о нем – *дифференциального признака* как способа его проявления.

Ср., например, у М.В. Никитина: «Онтологической основой... мыслительных и речемыслительных форм и действий... надо считать существование (в философском смысле) вещей и признаков в конкретных модусах явления (проявления). Именно явление (проявление) как модус существования сущностей – та онтологическая категория, которая составляет цель терминологического поиска, выразившегося в приблизительных, неточных обозначениях: *событие, ситуация, факт, положение (обстояние) дел*» [3, с. 120].

Последующее разграничение «того, что происходит» (актуальных, то есть локализованных в конкретном времени и пространстве, признаков) и «того, что существует» (неактуальных (нелокализованных) дифференциальных признаков) имело своим следствием разграничение *происходящего* – актуальной действительности, *понимаемой* в момент восприятия, – и *существующего* – уже познанной и *узнаваемой* в *происходящем* действительности, формирующей сознание как внутреннюю репрезентацию мира.

Подтверждение тому можно найти, например, в лингвистических заметках Н.Н. Миклухо-Маклая в Новой Гвинее: так, например, туземное имя птицы «коко» является звукоподражанием ее крику, что позволяет представить первичный недискретный знак-сообщение об этой птице как «коко» = *кто-то кричит коко*.

Дальнейший опыт восприятия этой птицы в *происходящем* (ее цвета, размеров, поведения и т. д.) обуславливает формирование значения «коко» как носителя *узнаваемого* дифференциального признака *кричащая коко*, в этом значении «коко» становится элементом *существующего*, которому в *происходящем* могут приписываться его актуальные дифференциальные признаки: допустим, *коко летит / сидит на дереве* и т. д.

Таким образом, расчленение первичных знаков, имевшее следствием *осознание* структуры и содержания *мысли в слове*, определило ее инвариантную

металогическую модель как X через I , в которой X – носитель признака, а I – присваиваемый ему признак-индикатор, – обусловившую семантико-структурную основу когнитивно-логической модели действительности в языке.

Расчленение, структурирование и систематизация недискретной внеязыковой действительности обусловили присвоение ей свойств *дискретности, структурности и системности*, а следовательно, *моделируемости*.

Когнитивно-логическая модель формируется на основе представления о минимальной автономной составляющей *существующего – элементе* (носителе признаков) – в контексте его структурно-системных связей (признаков) и представляет собой типологию элементов и их возможных взаимоотношений.

Так, фиксируя присвоенное действительности свойство дискретности, когнитивно-логическая модель несет в себе толкование составляющих ее элементов как дифференцированных друг от друга, обуславливающее их типологическую классификацию.

Ср. у А.Ф. Лосева: «Мышление начинается с того момента, когда из глобальной, беспорядочной и эмпирически ползучей действительности выделяются отдельные предметы и ставится вопрос об их смысловом содержании... что это такое и чем отличается от всего прочего?» [2, с. 147–148].

Дифференцированность, как отмечает Ф. де Соссюр, представляет собой «первое универсальное свойство языка» [4, с. 198]: «В отношении языкового факта *элемент* и *отличительный признак* являются всегда одним и тем же. Языку, как и любой другой семиологической *системе*, свойственно не проводить никакого различия между тем, что отличает какой-либо предмет, и тем, что составляет его сущность, потому что... всех их (знаков. – Л.С.) предназначение, вся их сущность заключается в том, чтобы быть различными» [4, с. 197].

Приоритет дифференцированности подтверждается и данными онтогенеза – ср. у Л.С. Выготского: «Клапаред показал при помощи весьма интересных опытов, что сознание сходства появляется у ребенка позже, чем сознание различия... само осознание отношения сходства требует более сложной и позже развивающейся структуры обобщений и понятий...» [5, с. 207–208].

Логично предположить, что насущная потребность расчленения недискретной действительности, характерная для филогенеза, обусловила приоритет дифференциации ее элементов, послужившей отправной точкой для установления сходства и таким образом – для формирования типологической классификации, то есть распределения элементов по дифференцированным классам, объединяющим, в свою очередь, элементы с аналогичными признаками.

Так, типологическая классификация элементов *существующего*, основанная на их дифференциальных и интегральных признаках, позволяет разграничивать и группировать *предметы, признаки* и «*положения дел*».

Класс *предметов* включает в себя материальные субстанции, которые подразделяются на подклассы *одушевленных (лица/не-лица) / неодушевленных (натурфакты/артефакты)* предметов, известных и опознаваемых благодаря присутствию им признаков; класс *признаков* объединяет нематериальные субстанции, не существующие вне своих носителей (*свойства, качества, состояния, действия* и их подклассы); класс «*положений дел*» предполагает объединение

локализованных временем и пространством взаимоотношений предметов и признаков (*фактов/ситуаций/событий* и их подклассов).

Свойство структурности, то есть понимание действительности как *целого* относительно составляющих ее *частей* – элементов, проявляет себя в отношениях партитивности: элементы более высокого порядка представляют собой *целое* для совокупностей элементов более низкого порядка.

Нельзя не согласиться с М.В. Никитиным, который отмечает, что отношения *часть – целое* пронизывают весь мир снизу доверху, от элементарных частиц до галактик. Они охватывают вещи всех уровней сложности, организуя их в разнообразные многоступенчатые иерархии частей – целых, элементов – систем (структур), оставаясь при этом областью не достаточно изученной: «если в этой области мало проблем и расхождений во взглядах, то по одной только причине – о предмете мало что известно» [3, с. 88].

Так, автор указывает на идею *целого*, «за которым, хотя и на заднем плане, проглядывают составные части» в словах типа *куча, крупа, рота, толпа* и подобных, и идею *части* – в словах типа *частица, кусок, орган* и т. п., отмечая существование двух типов целого – *органических* и *неорганических* (*конгломератов*): если в органических *целых* свойства *частей* целиком определяются свойствами *целого*, а *целое* является условием существования *части* (*отрасль, отрывок, строка* и под.), то в конгломератах зависимость *части* от *целого* не столь жесткая, однако имеет устойчивый характер, «так что с мыслью о вещи некоего класса привычно связывается представление о ее участии в конгломератном множестве определенного рода» (*стол, стул, диван – мебель; потолок, стена, дверь, окно – комната* и под.) [3, с. 90–91].

Свойство системности закономерно вытекает из свойства структурности: изменения в количестве и качестве частей целого неизбежно влекут за собой изменения самого целого. Таким образом, отношения между элементами можно определить как отношения их взаимосвязи и взаимозависимости, то есть их взаимной обусловленности.

Отношения обусловленности (*интерденденции* и *детерминации* у Л. Ельмслева) носят характер не менее глобальный, нежели отношения сходного – различного и части – целого, поскольку отражают понимание взаимного воздействия элементов друг на друга, обеспечивая таким образом возможности объяснения и прогнозирования действительности.

Такие связи обнаруживаются, например, между признаками-действиями, когда одно из них является следствием другого: *звонить – дозвониться, читать – прочесть*; между признаками-действиями и «положениями дел»: *ссориться – ссора, встретиться – встреча*; между признаками-действиями и признаками-состояниями, когда состояние представляет собой результат осуществленного действия: *заснуть – спать, открыть – открытый* (ср. у Ф. де Соссюра: «Событие является причиной состояния и (в каком-то смысле) объясняет его» [4, с. 115]); результатом признака-действия может явиться какое-либо свойство предмета: *укоротить – короткий, дрова + сложить = поленница* и под.

Связи такого типа Дж. Лайонз определяет как консеквентные, а М.В. Никитин различает *некаузативные* и *каузативные* предикаты: «Целостным значением каузативного глагола является обуславливающее воздействие» [3, с. 85].

Идея причинно-следственной связи, безусловно, проявляет себя в когнитивно-логической системе наиболее отчетливо, однако отношения взаимной обусловленности не исчерпываются, на наш взгляд, отношениями причины и следствия и обнаруживаются также в так называемых *конверсивных* (Дж. Лайонз, М.В. Никитин) биномах типа *продавец – покупатель, давать – брать* и под.: «Конверсивный признак – не собственное свойство вещи, с которым бы она вступала в отношение, а реляционный признак, приобретаемый ею в отношении. <...> Определенная роль требует определенных качеств, а качества предопределяют – хотя бы в тенденции – возможные роли» [3, с. 105–106].

Когнитивная логика определяет тот компонент системного значения языковых знаков, который именуется семасиологами *классемой* или *архисемой*.

Вслед за И.А. Стерниным мы считаем целесообразным разграничить понятия *архисемы* и *классемы* как принадлежащие разным уровням абстракции: так, *классема* представляет собой сему более высокого уровня обобщения со значением *предмета, признака* или «*положения дел*», в то время как *архисемы* определяют принадлежность к определенному подклассу *предметов, признаков, «положений дел»*. Например, *снег, дождь, ветер* будут относиться к подклассу *явлений природы* в классе «*положений дел*»; *круглый, треугольный, бесформенный* – к подклассу *формы* в классе *признаков* и т. д.

«Неединственность» архисемы в структуре значения обусловливается одновременным вхождением одного и того же элемента в различные подклассы.

Ср.: «...слово *рубанок* может быть отнесено к следующим лексическим группировкам: Столярные инструменты: *рубанок, фуганок, стамеска, пила, топор* и т. д. Инструменты: *рубанок, напильник, плоскогубцы, сверло, зубило* и т. п. Артефакты: *рубанок, велосипед, зонтик, шляпа, спички* и т. п. Неодушевленные предметы: *рубанок, стол, дом, дерево, цветок, яблоко* и т. д. Материальные тела: *рубанок, автомобиль, гора, лошадь, ящерица* и т. д.» [6, с. 92].

Присвоенные внеязыковой действительности свойства зафиксированы системой дискретных языковых знаков-представлений, которые несут в своих значениях идеи свойств действительности как идеи элементов и их структурных и системных связей, и знаков-маркеров, формализующих эти связи как признаки элементов и создающих таким образом «действующие» знаковые модели, обеспечивающие процесс моделирования.

Свойство моделируемости действительности закономерным образом вытекает из присвоенных ей свойств дискретности, структурности и системности и понимается, соответственно, как возможность ее расчленения, структурирования и систематизации за счет *дифференциации, дезинтеграции* и *интеграции* ее элементов, определяющих когнитивно-логические принципы действия знаковых моделей.

Так, любой и каждый отдельный элемент *существующего* может быть дифференцирован от других и одновременно уподоблен другим элементам по инвариантной формуле $X + I$ (относительно Y), в которой X – элемент *существующего*, I – его дифференциальный/интегральный признак-индикатор, а Y – мыслимый объект сравнения.

Дифференциация предполагает моделирование признаков по аналогии, которую Ф. де Соссюр определяет как «*ассоциацию* форм в уме, обусловленную

ассоциацией выражаемых ими идей» [4, с. 50] и которая обеспечивается знаковыми моделями – устойчивыми комбинациями знаков-представлений со знаками-маркерами.

Специализированные знаки-маркеры в составе дифференцирующей модели способствуют формализации основания дифференциации, ср.: *стол – столик, красный – красноватый, дождь – дожди* и т. д.

Инвариантная формула дифференциации обеспечивает: а) *классифицирующую* дифференциацию как $X + IC$ (относительно Y), в которой X – элемент *существующего*, IC – его *классифицирующий* индикатор, то есть присваиваемый дифференциальный/интегральный нелокализованный (вневременной и непространственный) признак, а Y – мыслимый объект сравнения: *книжка (книга), приоткрыть (открыть)* и т. д.; б) *дистрибутивную* (функционально-ролевую) дифференциацию, обусловленную валентностью элементов, как $X + (ID = Y)$, в которой X – элемент *существующего*, а ID – *дистрибутивный* индикатор, дифференцирующий/интегрирующий элемент дистрибуции: *говорить – громко (говорить тихо) / с друзьями (говорить с собой) / на банкете (говорить на занятии)* и т. д.; в) *кваликативную* дифференциацию как $X + (IQ = Y)$, при которой элементу *существующего* X присваивается *квалифицирующий* дифференциальный/интегральный признак, то есть признак проявления X как Y в координатах пространства и времени: *солнце светит; чашка разбилась; настроение прекрасное* и т. д.

Подтверждение пространственно-временной локализации в рамках *существующего* (а не только *происходящего*) можно найти у А.Ф. Лосева: «В предложении “собака лает” важно вовсе не то, что подлежащее и сказуемое отражают фактическую действительность и что собака действительно лает... предложение... свидетельствует о том, что пишущий или говорящий имеет в виду сообщить о собачьем лае, независимо от того, лает ли фактически в данный момент собака, или не лает. Данное предложение организовано так, как будто действительно собака в данный момент лаяла» [2, с. 208].

В соответствии со свойством структурности любой и каждый элемент *существующего* имеет внутреннюю структуру и входит при этом в структуры других порядков.

Дезинтеграция позволяет представить структуру элемента *существующего* как соотношение *целого* и равноправных относительно этого *целого* составляющих: $(X + I_{\text{целое}}) = [(X_1 + I_{\text{часть}}), (X_2 + I_{\text{часть}}), \dots, (X_n + I_{\text{часть}})]$, где элементу X присваивается признак *целого*, а элементам $X_i, i = 1, 2, \dots, n$, – признаки его равноправных составляющих, причем каждый из серии X может быть в свою очередь дезинтегрирован.

Вербальные, интонационные и пунктуационные знаки-маркеры дезинтеграции в составе модели сигнализируют не только о ее принципе, но и о характере отношений между составляющими: *непротиворечивом/противоречивом/альтернативном*. Ср., например: для *погоды* – *дождь и ветер; дождь, но солнце; то ли дождь, то ли солнце*.

Принцип интеграции можно сформулировать следующим образом: любой и каждый элемент *существующего* находится во временной и пространственной

связи с другими его элементами, что дает основание трактовать эту связь как взаимную зависимость.

Результатом интеграции стала типология взаимоотношений и взаимодействий отдельных элементов как элементов системы всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости.

Когнитивно-логическую формулу интеграции можно записать как $[(X + I_{\text{отн } Y}) \leftrightarrow (Y + I_{\text{отн } X})]$, в которой X и Y – элементы *существующего*, а \leftrightarrow – присвоенный им признак взаимосвязи или взаимозависимости, который устанавливает их значения друг относительно друга: например, *предшествующее* относительно *последующего*; *причина* относительно *следствия*; *цель* относительно *способа ее достижения* и т. д.

Интеграция представляет собой высшую степень абстракции в освоении действительности, а потому отличается большим разнообразием оснований и позволяет интегрировать элементы практически без ограничений.

Вербальные, интонационные и пунктуационные знаки-маркеры интеграции сигнализируют о соединении отдельного во временное целое на основании того или иного типа взаимосвязи или взаимозависимости, а также эксплицируют одно из значений или оба значения: ср. *X если Y; X хотя Y; для того чтобы X нужно Y* и т. д.

Как и любая моделирующая система, «отвлекающая от текучести вещей и размытости границ природы мира» [3, с. 53], язык редуцирует действительность за счет обобщения когнитивного опыта.

Благодаря присвоенным ей языковым значениям действительность становится осмысленно упорядоченной, а следовательно, управляемой, то есть не только воздействующей, но и поддающейся воздействию, что и составляет то главное условие, которое обеспечивает человеку возможность взаимодействия с миром.

Сущность уникального характера языкового моделирования наиболее адекватно, на наш взгляд, выражает понятие *интерпретации* – моделирования *смысловым*, по А.Ф. Лосеву, *образом*, «отражающим то или иное понимание» [2, с. 137].

Созданная посредством интерпретации языковая действительность регламентирует границы между означенным – познанным и известным – и неозначенным, еще не познанным и не известным и по этой причине как бы вовсе не существующим.

Знаковые модели обеспечивают возможности моделирования *существующего* как *происходящего*, то есть динамического моделирования, а их использование в процессе речемыслительной и коммуникативной деятельности гарантирует таким образом актуальному *происходящему* право на *существование*, поскольку они переносят на него и присваивают ему свойства *существующего*.

Данные фило- и онтогенеза убедительно доказывают, что *существующее* в динамике, то есть *происходящее*, осознается не *элементно*, а *фрагментарно* и представляет собой, следовательно, систему дифференцированных друг от друга взаимосвязанных и взаимообусловленных «положений дел».

Фрагментарное восприятие *происходящего* в филогенезе определило технологию квалификативного моделирования в *существующем*, преобразующего

его в неактуальное *происходящее*, а также формирование класса знаков-представлений, несущих в себе идеи «положений дел» как свернутые квалификации (ср., например: *сон, встреча, ночь*).

Итак, минимальным фрагментом *происходящего* является «положение дел», а динамическое моделирование предполагает его экстрагирование из общей системы за счет присвоения соответствующей квалификации (то есть квалифицирующей дифференциации), а при необходимости – его развертывание (расчленение), а также установление его структурных и системных связей с другими «положениями дел».

Инвариантная логическая формула присвоения квалификации будет иметь вид: X через Y , где X – «положение дел» как носитель квалификативного признака, Y – признак-квалификация как способ существования X на момент квалификации.

Развертывание «положения дел» предполагает, во-первых, расчленение X и Y , во-вторых, расчленение X на отдельных носителей квалификативного признака (участников «положения дел»), дифференцированных по их функциональным ролям относительно Y : *субъект* (*агенса* – субъект активного проявления; *пациенса* – субъект неактивного проявления); *объект*; *реципиент* (адресат), *реквизит* (орудия, инструменты, средства и т. п.).

Моделирование идентифицированного *происходящего* в процессе речемыслительной деятельности осуществляется как: а) *номинация*: выбор Y – квалифицирующего значения как актуального значения идентифицированного X ; б) *предикация*: присвоение значения Y *происходящему* X и создание таким образом прецедента «положения дел»; в) *конкретизация*: развертывание «положения дел» в пропозиции и установление структурных и системных связей как в пределах данного «положения дел», так и в общем контексте *происходящего*.

Summary

L.M. Salmina. Language as a Modelling System.

This paper focuses on the modelling function of linguistic meaning as one of the central problems in cognitive linguistics. Linguistic meaning is explained as the basic element of human consciousness for it is natural language as a semiotic system that contains interpretation of reality given in vocabulary and grammar. Recognition of the linguistic semantics as the main conceptual structure may open new opportunities for studying knowledge modelling mechanism.

Key words: cognitive-logical model of reality, linguistic interpretation, linguistic differentiation, linguistic integration, linguistic disintegration.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Лосев А.Ф. Языковая структура. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. – 375 с.
3. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с.
4. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 1990. – 280 с.

5. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1996. – 415 с.
6. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Лексическая система языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 148 с.

Поступила в редакцию
12.05.11

Салмина Лидия Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: *salmina-lid@rambler.ru*